

Я.А. Барбенко, А.А. Куреев¹

**К методологии изучения взаимодействия
регионального хозяйства и природной среды
(на примере сельского хозяйства юга Дальнего Востока)**

**To methodology of study of interaction of regional economy
and natural environment
(on an example of an agriculture of the south of Russian Far East)**

Во второй части статьи авторы применяют принципы и категории представленного ранее подхода к анализу процесса сельскохозяйственной адаптации восточнославянских переселенцев к природной среде юга Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. Основное внимание уделяется описанию и сравнению способов адаптации двух социальных групп, – казаков и крестьян-раскольников, – наиболее полно воплотивших в своем образе жизни специфику централизованной и децентрализованной моделей развития региона.

In the second part of article the authors apply principles and categories of the presented approach to the analysis of process of agricultural adaptation of eastern Slavonic migrants to natural environment of the south of Far East in second half XIX – beginning XX c. The basic attention is given to the description and comparison of the ways of adaptation of two social groups, – Cossacks and non-orthodox peasants, – in which modes of life specificity of centralized and decentralized models of development of the region has most full embodied.

Оценивая природные условия юга Дальнего Востока на региональном уровне, следует отметить их общую более низкую благоприятность для развития сельского хозяйства в сравнении с условиями большинства районов не только Центральной России, но и Южной Сибири. Так, юг Дальнего Востока отличается хотя и менее холодным, чем в Сибири, но намного более влажным климатом с резкими сезонными колебаниями температуры воздуха. В регионе преобладает гористый рельеф, доля сплошных равнинных пространств в его территории относительно невелика². Для разветвленной речной сети юга Дальнего Востока характерна высокая интенсивность летнего водостока, ведущая к частым наводнениям. Значительная часть плодородных почв речных долин и равнин заметно теряет в своем качестве из-за переувлажнения.

Среди всех основных компонентов природной среды скорее

---

¹ Окончание. Начало см.: Ойкумена. 2006. Вып. 1. С. 8-15.

² На равнины приходится менее 20 % площади региона (Южная часть Дальнего Востока. М., 1969. С. 64.)

позитивную, чем негативную роль в становлении сельского хозяйства переселенцев сыграл, по-видимому, только растительный и животный мир региона. Высокие затраты труда на отвоевание у леса и его обитателей необходимых для хозяйственной деятельности земель обычно с избытком компенсировались доходами от разнообразных объектов промысла. С точки зрения обеспеченности имеющими промысловое значение ресурсами зверя, рыбы, древесины, дикоросов юг Дальнего Востока вплоть до начала XX в. значительно превосходил освоенные ранее районы Сибири, не говоря уже о Европейской России.

Общая неблагоприятность природной среды для сельскохозяйственной адаптации усугублялась ее ярко выраженным своеобразием, резкой отличностью (особенно в Приморье) от естественных условий мест выхода переселенцев. Другим осложняющим адаптацию фактором регионального уровня был минимальный масштаб предшествующего освоения юга Дальнего Востока, малочисленность местного, в особенности земледельческого (китайцы и маньчжуры), населения, и, как следствие, практически девственное состояние природы колонизируемых территорий.

На субрегиональном уровне естественные условия развития сельского хозяйства на юге Дальнего Востока неоднородны. По нашему мнению, в первом приближении регион можно разделить на три основных ландшафтно-климатических района, обладающих значимой с точки зрения сельскохозяйственного освоения спецификой. Природный потенциал каждого из этих районов создавал предпосылки для формирования у местного населения особого территориального способа адаптации.

К первому из выделяемых ландшафтно-климатических районов юга Дальнего Востока мы относим территории с преимущественно равнинным рельефом и наиболее теплым и сухим (в пределах региона) климатом. В их число входят: долина р. Раздольной, Приханкайская равнина, долина среднего течения р. Уссури (до устья Бикина), Среднеамурская равнина, Зейско-Бурейская равнина и южная часть Амуро-Зейской равнины¹. Названные территории расположены вдоль крупнейших водных артерий региона. Для них характерны в основном луговые, торфянистые и бурые лесные почвы. Типичную растительность первого ландшафтно-климатического района составляют пойменные луга, луговые лесостепи и широколиственные леса².

Рельеф, климат, почвы и растительность первого района (района I) в совокупности создают самые благоприятные на юге Дальнего Востока условия для расселения и сельскохозяйственной адаптации. Территория района пригодна для плотного и равномерного заселения, формирования устойчивых крупных поселений, построения разветвленной сети транспортных коммуникаций. Равнинные пространства обеспечивают возможность для сплошного хозяйственного освоения обширных земельных пло-

¹ Советский Союз. Геогр. описание. В 22-х т. Дальний Восток. М., 1971. С. 30-33.

² Ивашинников Ю.К. Физическая география Дальнего Востока России. Владивосток, 1999. С. 94-96, 98, 100.; Советский Союз... С. 43-45, 46-51.

щадей, создания крупных участков пашни, пастбищных и сенокосных угодий. На землях района I могут выращиваться все основные зерновые культуры, многие плодовые и огородные растения. Кроме того, здесь перспективно развитие молочно-мясного животноводства¹. К важнейшим негативным для сельскохозяйственной деятельности в этом районе факторам можно отнести переувлажненность низинных земель, частые наводнения, ограниченность лесных ресурсов.

Второй ландшафтно-климатический район региона охватывает долины предгорий и низкогорья, которые в целом отличаются от территорий первого района более низкими средними значениями летних температур². В пределы района II мы включаем долину р. Партизанской, долины Арсеньевки и части нижнего течения Усури между устьями рр. Бикин и Хор, долины нижнего Амура и Амгуни, северную, возвышенную, часть Амуро-Зейской равнины. Таким образом, территории второго района в основном также непосредственно соседствуют с крупнейшими реками юга Дальнего Востока. Почвенный покров района образуют как равнинные бурые лесные и буротаежные, так и горные бурые лесные, дерново-таежные и таежные почвы. Растительность предгорий и низкогорья юга Дальнего Востока состоит главным образом из смешанных и хвойных лесов³.

По совокупности своих естественных параметров территория второго района предоставляет в целом менее благоприятные возможности для сельскохозяйственного освоения. Рельеф района существенно ограничивает численность и свободу размещения сельского населения, привязывая населенные пункты и транспортные коммуникации к конфигурации речной сети. Узость речных долин затрудняет создание на их землях крупных сельхозугодий, особенно пашенных. Условия района II делают рискованным посев многих зерновых, но вполне пригодны для выращивания кормовых и технических культур, овощеводства и садоводства⁴. Пастбища предгорий обеспечивают развитие животноводческих хозяйств молочной специализации.

В качестве особенности района II нельзя не отметить внутреннюю неоднородность его природных условий. При большом разнообразии микроклимата, рельефа и почвенного покрова составляющих его локальных геобиоценозов, часть из них приближается по своему ресурсному потенциалу к территориям района I.

К третьему физико-географическому району юга Дальнего Востока принадлежат горные области региона с наиболее холодным и влажным климатом⁵. Это, прежде всего, территории Хинганско-Буреинского горного массива и системы Сихотэ-Алиня. Данный район имеет сложную, мелкую и густую речную сеть, включающую реки бассейнов Амура и Японского моря. В районе

¹ Ивашинников Ю.К. Указ. соч. С. 205; Советский Союз...С. 72-73, 138-144.

² Советский Союз...С. 30-33.

³ Ивашинников Ю.К. Указ. соч. С. 94, 96, 98-100; Советский Союз...С. 42-45, 46-49.

⁴ Советский Союз...С. 138, 216, 249.

⁵ Советский Союз...С. 30-33.

III безусловно преобладают различные подтипы горных почв – от горных бурых лесных до горно-тундровых. Для местной флоры типичны светло- и темнохвойные леса¹.

Обширные пространства третьего района в основном неблагоприятны как для ведения сельского хозяйства, так и для обитания человека вообще. Вместе с тем, для этой части региона, еще более чем для района II, в силу сложности рельефа и высотной поясности, характерна высокая степень ландшафтно-климатической мозаичности территории и широкий диапазон градаций ее хозяйственной ценности. Природная специфика района предопределяет дисперсность и неравномерность его заселения, обуславливает малолюдность, редкость и неустойчивость сельских поселений, затрудняет их связь друг с другом. Сельскохозяйственное, в особенности, земледельческое, освоение, создание окультуренных ландшафтов возможны здесь лишь в пределах локальных очагов, расположенных, как правило, в небольших долинах по нижнему течению горных рек. В таких очагах могут высеваться некоторые скороспелые зерновые, овощные и садовые культуры, хотя их выращивание связано со значительными рисками. Разведение скота ограничено незначительностью площадей местных пастбищ и сенокосов. Наиболее широкие возможности природные условия района III предоставляют для развития разного рода добывающих промыслов – лесозаготовки, охоты, рыболовства, бортничества, сбора дикоросов, – и основанных на них сельскохозяйственных производств (таких как звероводство и пчеловодство).

Через ландшафтно-климатическое районирование природная среда оказывает на процесс адаптации наиболее глубокое и постоянное дифференцирующее воздействие. Результатом этого воздействия, как уже отмечалось, является территориальное разнообразие способов адаптации. Однако еще большей (особенно в рамках изучаемого периода) дифференцирующей и модифицирующей адаптационные механизмы силой обладают факторы общественной жизни. Главным источником исторической динамики хозяйственной адаптации служат более подвижные и вариативные, чем природные, параметры самого хозяйствующего субъекта, каковым, в конечном счете, выступает общественная система в целом.

Достаточно очевидным и неоднократно отмечавшимся является факт существования связи между изменениями в методах сельскохозяйственной адаптации населения юга Дальнего Востока и социально-экономическим, формационным развитием этого региона. Смена способов производства и сопряженных с ними организационных форм хозяйствования, безусловно, вправе считаться важнейшим социальным фактором, участвующим в развитии общественно-природного взаимодействия. Вместе с тем, мы полагаем, что, применительно к российскому обществу и его дальневосточному компоненту, классическая формационная типология нуждается в существенном дополнении. Это связано с

¹ Ивашинников Ю.К. Указ. соч. С. 94, 97, 99-100; Советский Союз...С. 43-47.

тем, что для истории России характерно совмещение и переплетение одновременно двух различных линий (моделей) общественного развития – централизованной и децентрализованной.

Главным критерием разграничения названных моделей развития, лежащим в основании всего комплекса их особенностей, на наш взгляд, следует считать порядок принятия общезначимых коллективных решений. При децентрализованной модели развития (описанию которой в основном и посвящена формационная теория Маркса) подобные решения вырабатываются в ходе стихийного (типа свободного рынка) или институционализированного (типа управляемого рынка) согласования частных решений множества субъектов. Такой порядок принятия экономических, социальных и политических решений предполагает их тесную, наиболее прямую обусловленность интересами и ценностями непосредственных производителей. Это в полной мере относится и к целеполаганию в сфере взаимодействия общества и природной среды. С децентрализованной моделью развития закономерно связано преобладание в обществе культурных установок на индивидуальную (корпоративную) независимость и инициативность.

Напротив, централизованной модели развития (существование которой, по-видимому, впервые было зафиксировано в марксовом понятии "азиатского способа производства") свойственно присвоение, та или иная степень монополизации процесса принятия общезначимых решений узким кругом властных институтов или персон. При данной модели все основные виды общественных отношений, и в т.ч. отношения общества и природы, приобретают форму опосредованных санкцией власти, государства. Таким образом, интересы и ценности непосредственных производителей могут быть реализованы только в той мере, в какой они соответствуют интересам и ценностям субъектов власти. Централизованной модели общественного развития присуще массовое бытование поведенческих установок на патернализм (иждивенчество) и пассивность.

Мы полагаем, что развитие общества по обеим названным моделям сопряжено с прохождением общих, однородных в основе своей способов производства. В то же время, нельзя не отметить, что образующие каждую из линий общественного развития формационные стадии имеют и существенные видовые различия, отражающие коренные особенности централизованной и децентрализованной моделей. При этом общность двух параллельных формационных рядов, по нашему мнению, определяется единством входящих в них соответствующих способов производства с точки зрения уровней производительных сил и форм организации хозяйства, а различия – обуславливаются свойственным этим способам производства специфическими пропорциями форм собственности, методами экономического управления, порядком распределения и обмена (т.е. социально-экономическими отношениями).

Широко признанная сегодня экстраординарная роль в исто-

рии России государственных институтов, политической воли правящей элиты, на первый взгляд, достаточно однозначно свидетельствует в пользу полного соответствия развития российского общества централизованной модели. Яркими примерами реализации этой модели насыщена и история присоединения и освоения дальневосточных земель. Однако универсальность "государственнической" интерпретации прошлого страны при ближайшем рассмотрении оказывается все же сильно преувеличенной. Ведь во многом она является результатом лишь незаслуженно малого внимания исследователей к куда менее наглядным, а то и прямо скрытым проявлениям самостоятельной, автономной активности российских низов, "безмолвствующего большинства". Между тем, для целого ряда периодов в формировании того же дальневосточного региона, для огромной части входящих в него территорий формы разного рода "самочинной", вольно-народной колонизации имели значение, по крайней мере, не меньшее, чем государственная колонизационная политика.

Сосуществование в российской истории двух моделей общественного развития, нашедших, в частности, воплощение в двух, – государственном и вольном, – потоках колонизации, на пространствах юга Дальнего Востока обнаружило себя с особой контрастностью. Этому способствовали сложные, порою угрожающие, природные и общественные (внутренние и международные) условия освоения этого региона, объективная необходимость в ускоренных темпах его интеграции с Россией. Они уже во второй половине XIX – начале XX вв. привели к небывалым ранее масштабам и глубине государственного вмешательства в процессы образования и развития региона, которые четко высветили специфические черты, достоинства и недостатки централизованного подхода к управлению этими процессами в сравнении с решительно потесненной им, но, тем не менее, так и не прерванной децентрализованной традицией.

Таким образом, влияние на процесс сельскохозяйственной адаптации восточнославянского населения к природным условиям юга Дальнего Востока смены способов было изначально и постоянно осложнено параллельной реализацией двух разных моделей развития адаптирующегося общества. Взаимодействие производительных и организационно-экономических средств адаптации, с одной стороны, и ее социально-экономических и социально-политических факторов, с другой, нашло выражение в существенной дифференциации адаптивных практик различных по своему общественному положению социальных групп сельских жителей региона. В свою очередь, это общественно обусловленное разнообразие групповых способов адаптации накладывалось и умножалось на отмеченную выше территориальную, ландшафтно-климатическую гетерогенность географической среды Дальнего Востока.

Изучение широкого спектра групповых способов сельскохозяйственной адаптации на юге Дальнего Востока, на наш взгляд, следует начать с рассмотрения его краев, т.е. с социальных групп,

формы взаимодействия которых с природной средой наиболее отличны друг от друга. В соответствии с предложенным подходом таковыми должны являться социальные группы, хозяйственная деятельность которых представляет собой самое последовательное воплощение централизованной и децентрализованной моделей развития региона, государственного и вольного типов его колонизации.

С этой точки зрения, из разделенного как по сословно-правовым, так и по религиозным признакам восточнославянского населения дальневосточной деревни второй половины XIX – начала XX вв. мы считаем необходимым выделить две численно небольшие, но в высокой степени показательные общности – казаков и крестьян-"раскольников"¹. Мы попытаемся проанализировать основные особенности способов адаптации этих групп, а также охарактеризовать их формационные и территориальные варианты.

Первыми восточнославянскими поселенцами на юге Дальнего Востока и на долгое время авангардом его государственного освоения стали казаки. В ходе казенного переселения 1855 – 1862 гг. они были размещены по берегам верхнего и частично среднего Амура, а также вдоль нижнего и среднего течения Усури. В 1879 г. около половины казачьего населения долины Усури, ввиду тяжести его экономического положения, было переселено в приграничную полосу Южно-Усурийского края (к западу от р. Илистой). Так к началу 80-х гг. XIX в. сложились общие контуры занимаемой казачеством на юге Дальнего Востока территории, уплотнение населения которой переселенцами из других казачьих войск продолжалось вплоть до первой мировой. В 1894 г. в результате "отвода Духовского", помимо территории непосредственного казачьего расселения под контроль АКВ и УКВ были переданы прилегающие к ней обширные земли, использовавшиеся затем, прежде всего, в хозяйственных целях.

Расселение и хозяйственная деятельность амурцев и уссурийцев во второй половине XIX – начале XX вв. происходили в основном в границах первого из выделенных нами ландшафтно-климатических районов. Лишь меньшая часть казачьего населения, – жители междуречья Бикина и Хора и северной половины Амуро-Зейской равнины, – располагалась на территории района II. Таким образом, в большинстве своем дальневосточные казаки находились в наиболее благоприятных в рамках изучаемого ре-

---

¹ Накануне революций 1917 г. общая численность казаков на юге Дальнего Востока составляла около 84 тыс. чел., в т.ч. около 50 тыс. амурцев и почти 34 тыс. уссурийцев. (Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин и др. М., 1996. Т. 1. С. 75.; Годовой отчет Усурийского казачьего войска по гражданской части за 1914 г. Владивосток, 1915. С. 2-4.) Труднее оценить численность проживавших в регионе крестьян-раскольников. Последние состояли в основном из представителей двух конфессиональных групп – старообрядцев и молокан. По приблизительным и, вероятнее всего, заниженным данным молокан в начале XX в. насчитывалось более 28 тыс., а старообрядцев в начале 10-х гг. XX в. – свыше 14 тыс. (Аргудяева Ю.В. Этническая история русских южной части Дальнего Востока России (сер. XIX – XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 1999. № 4. С. 102; Аргудяева Ю.В. Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. Владивосток, 2001. С. 53; Кобко В.В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30-е гг. XX в.) Владивосток, 2004. С. 50).

гиона природных условиях. Вместе с тем, в силу многих факторов, эффективность использования казачеством потенциала этой естественной среды оказалась сравнительно низкой.

Важным фактором и одновременно показателем процесса хозяйственной адаптации казачьей общности на юге Дальнего Востока являлось ее демографическое состояние. Прежде всего, следует отметить относительно незначительную плотность заселения казаками территорий войсковых округов и, тем более, отвода Духовского. На 14,9 млн. десятин отвода Духовского, около 2 млн. десятин из которых (на начало XX в.) составляла площадь обмежеванных земель АКВ и УКВ¹, к 1917 г. проживало около 84 тыс. человек войскового сословия. При том, что подавляющая часть этих земель была вполне пригодна для сплошного сельскохозяйственного освоения, степень их заселенности была крайне недостаточной. Тем не менее, войсковые администрации и их могущественные петербургские покровители вплоть до падения царского режима упорно и, в целом, успешно противодействовали проникновению на отведенные АКВ и УКВ земли крестьянского населения².

Специфической чертой демографии казачества была особая территориальная группировка его поселений. С момента своего появления в крае казаки создавали относительно крупные населенные пункты, – станицы, – каждая из которых постепенно окружалась рядом тяготевавших к ней более мелких поселков. Размещение казачьих поселений всецело подчинялось решению военных и административных задач. Вследствие этого станицы и поселки были сосредоточены в непосредственной близости от государственной границы, а также пролежавших рядом с ней и через нее стратегических транспортных коммуникаций, – водных и сухопутных, включая построенные позднее железнодорожные пути. В таких условиях собственные экономические интересы, мотивы поиска мест, удобных для ведения сельского хозяйства, могли оказывать на пространственную конфигурацию сети казачьих поселений лишь второстепенное влияние.

На протяжении всего изучаемого периода основной формой социально-территориальной организации дальневосточного казачества оставались станичные и поселковые общества. Находившиеся под жестким административным контролем казачьи общины являлись, прежде всего, инструментом обеспечения выполнения казаками сословных и войсковых повинностей, а также средством полицейского надзора и идейно-нравственного воспитания общинников³. Казачья община была крайне ограничена в правах самоуправления, что серьезно снижало ее эффективность

¹ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февр. 1917 г.). М., 1991. С. 241.

² Киреев А.А. Уссурийское казачество в политическом процессе на Дальнем Востоке России. Дис...канд. полит. наук. Владивосток, 2002. С. 182-184, 190-193, 199-207, 213-216.

³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 144-145, 149-150; Наставление станичным и поселковым обществам и должностным в сих обществах лицам УКВ при исполнении ими служебных обязанностей. Владивосток, 1914. С. 8, 62, 142-143.

как экономического института, как регулятора производства и природопользования. По мнению некоторых современников, именно общинное землевладение в начале XX в. являлось "главным тормозом" в развитии в Приамурье казачьего сельского хозяйства¹.

Государственные интересы во многом определяли облик и казачьей семьи. Трудности первоначального освоения региона, обустройства на новом месте, подъема целинных земель района I объективно требовали формирования и сохранения у казаков-переселенцев больших патриархальных семейств. Как раз подобные семьи долгое время и преобладали в казачьей среде. Однако их существование было продиктовано скорее постоянным отвлечением части мужского состава казачьих семей на военную службу. Вероятно, прежде всего, по этой причине семейные разделы не поощрялись и со стороны казачьего начальства². Когда на рубеже XIX – XX вв. социально-экономические процессы на юге Дальнего Востока создали условия для дробления больших казачьих семей, эта сословная демографическая политика не претерпела изменений³.

Не менее непосредственно, чем демографическая, с практикой адаптации, связана технологическая подсистема сельского хозяйства. Тесная корреляция технологий и условий осваиваемой среды достаточно наглядно проявилась и в истории дальневосточного казачества. Так, казаки, первыми или одними из первых среди переселенцев, стали перенимать хозяйственный опыт местного аборигенного и китайско-корейского населения, включая орудия и способы охоты и рыболовства, более соответствующий климату Приамурья набор зерновых и огородных культур⁴. Вместе с тем, сословный статус и функции казачества делали его технологическое приспособление к естественным условиям региона избирательным и во многом односторонним. Занимая значительную часть (около половины) территории района I, предоставлявшего наилучшие в крае возможности для развития земледелия, дальневосточные казаки в целом отводили этой отрасли сельского хозяйства второстепенную и вспомогательную роль. Несение службы и многочисленных повинностей заставляли казаков обращаться к менее трудоемким и более выгодным занятиям – животноводству, охоте и рыболовству, лесным промыслам и извозу, торговле⁵.

Развитие социально-экономических отношений только укреп-

¹ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 241. Л. 244.

² Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения: Дис...канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 51, 53.

³ Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис.... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 39, 77; Наставление... С. 54.

⁴ Ермак Г.Г. Указ. соч. С. 118; Коваленко А.И. Указ. соч. С. 50; Уссурийское казачье войско: история и современность. / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 21.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 335-337; Журналы местного совещания по вопросу об определении территории Амурского и Уссурийского казачьих войск, вместе с особыми мнениями представителей УКВ. Хабаровск, 1901. С. 24; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. СПб., 1900. С. 106.

пляло специфику отраслевой и технологической структуры казачьего хозяйства. В 90-е гг. XIX в. выход дальневосточных казаков с товарной продукцией на рынок приобретает массовый характер. Наряду с мелкотоварными отношениями в это время в казачьей среде появляются и первые примеры капиталистического предпринимательства¹. При этом повышение товарности казачьего хозяйства осуществлялось не столько на земледельческой основе, сколько на базе добывающих промыслов, а также сферы услуг (извоз), где в основном и происходили технологические обновление и адаптация. Кроме того, в начале XX в. дальневосточное казачество, в особенности уссурийское, широко вовлекается в торговую (в т.ч. международную) деятельность в качестве продавцов и перепродавцов различных промысловых и промышленных продуктов, включая контрабандные товары (спирт, опиум, пушнина, золото). Этому способствовали упомянутые выше особенности географического положения казачьих поселений, а также свободный, нелегализуемый порядок торговли на войсковых территориях². Промысловая и торгово-посредническая специализация экономики дальневосточного казачества в условиях быстро осваиваемого, пограничного района I накануне первой мировой породила целый комплекс взаимосвязанных эколого-хозяйственных, внешнеэкономических и внешнеполитических проблем.

Отраслевая и технологическая специфика казачьего хозяйства во многом определяла состояние его ресурсной подсистемы. Богатый ресурсный потенциал района I использовался казаками односторонне. Если средняя площадь посева на один двор у казачества вплоть до 1917 г. так и не сравнялась с крестьянской, то масштабы его промысловой активности были весьма велики. Размах и особенно нерациональное ведение последней к началу XX в. привели к появлению первых признаков оскудения запасов рыбы, зверя и деловой древесины в пределах района I³. Сведение лесов, палы и сенокосение, расширение пастбищ и пашен, производимые как казаками, так и соседними крестьянами вызвали и более серьезные последствия. К началу 20-х гг. XX в. они стали причиной заметного осушения климата в границах отдельных геобиоценозов, но таких крупных физико-географических областей как Приханкайская равнина⁴.

Хотя в изучаемый период подобные нарушения общественно-природного равновесия, спровоцированные хозяйственной деятельностью казачества, имели еще достаточно ограниченный дезадаптационный эффект (в виде подрыва ресурсной базы развития тех же добывающих промыслов), на наш взгляд, они ясно указывают на принципиальные противоречия, заложенные в са-

¹ Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке. М., 1983. С. 108-110.

² Ермак Г.Г. Указ. соч. С. 135; Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 119-121.

³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 55, 103-104.

⁴ Киреев А.А. Указ. соч. С. 71.

мом способе адаптации, присущем данной социальной группе. Социально вынужденное стремление казаков к "легким деньгам" в природной среде района I не могло не привести к сверхэксплуатации ими наиболее доступной части местных естественных ресурсов и к вынесению в огромных объемах минимально обработанного сырья на бурно растущие с конца XIX в. внутренний и китайский рынки. В свою очередь, такая стихийно сложившаяся стратегия общественно-природного взаимодействия, при ее длительном сохранении, с неизбежностью должна была повлечь разрушительные последствия, как для природы этой части региона, так и для ее населения.

В отличие от трех названных, материально-техническая и организационная подсистемы сельского хозяйства связаны с адаптационными процессами более сложным, опосредованным образом. Тем не менее, параметры этих подсистем также позволяют раскрыть некоторые особенности способа адаптации дальневосточного казачества. Так, низкий достаток большинства первопоселенцев и недостаточно продуманная организация самого переселения на длительное время определили крайнюю бедность и узость материально-технической базы казачьего хозяйства, что не только существенно замедляло развитие остальных компонентов последнего, но и (в первые годы жизни на новом месте) вело к прямой дезадаптации, к голоду среди казаков¹. С конца XIX в., в период достижения экономикой АКВ и УКВ стадии простого товарного хозяйства, количество и ассортимент орудий труда и источников энергии (включая не только тягловый скот, но и паровые машины), находившихся в распоряжении казаков, значительно увеличились. Вместе с тем, лидерство в укреплении материально-технической базы казачьего хозяйства принадлежало его промысловой, а не земледельческой отрасли².

Еще более заметные изменения динамика социально-экономических отношений внесла в организационные формы хозяйственной деятельности казаков. В 90-е гг. XIX в. широкое распространение в АКВ и УКВ получают земельная аренда и наем сельхозработников. В роли казачьих арендаторов и наймитов обычно выступали китайцы и корейцы. С 1900-х гг. в жизнь дальневосточного казачества входит потребительская и кредитная кооперация³. В это же время на казачьих территориях начинается регулярное проведение ярмарок. Эти, а также ряд иных признаков, показывают, что на организационно-экономическом уровне казачьи сообщества юга Дальнего Востока не только достигли стадии простого товарного хозяйства, но и начали переход к формам хозяйствования капиталистического товарного типа. Однако важной особенностью казачьей экономики в регионе являлось то, что ее институциональное обновление было слабо связано с развитием собственно производственной сферы, методов

¹ Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Хабаровск, 1908. С. 9-11.

² Сергеев О.И. Указ. соч. С. 107-108, 110.

³ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 82.

хозяйственного взаимодействия с природной средой. Модернизация казачьего хозяйства, происходившая под действием, прежде всего, внешних факторов, быстро охватила его рыночные связи, сферу обмена, но, в силу специфического социального положения этого сословия, не смогла существенно изменить консервативного уклада казачьего сельскохозяйственного производства и распределения. Льготные, привилегированные условия войскового природопользования позволяли не уделять большого внимания повышению его рациональности и эффективности. Кроме того, с 90-х гг. XIX в. дальневосточные казаки (в особенности, уссурийцы) обладали возможностью в массовом масштабе использовать для стабилизации своих хозяйственных отношений с природной средой своеобразных посредников в лице китайских и корейских работников¹. "Желтый труд" и "желтая аренда" в большинстве случаев имели не предпринимательский, а потребительский характер, являясь средством компенсации недостаточности собственного демографического, технологического, материально-технического и иного хозяйственного потенциала казачества.

Следует отметить, что у части дальневосточного казачества, проживавшей в пределах района II, сформировался свой территориальный вариант группового способа адаптации. Имея тот же социальный статус и определяемые им экономические возможности, казаки района II были вынуждены адаптироваться к более суровому естественному окружению. В результате промысловая деятельность в хозяйстве местного казачества абсолютно доминировала. Так, к 1914 г. производство хлеба в северных округах УКВ оставалось настолько незначительным, что не обеспечивало их собственных потребностей². Помимо этого, географическое положение данной части казачества затрудняло его доступ к рынкам сельхозпродукции и рабочей силы, не позволяя в достаточной мере возмещать высокие издержки освоения природной среды преимуществами в сфере социального взаимодействия. Совокупность этих и других факторов обусловила в среднем более низкий уровень жизни казаков района II. Показательно, что весной 1917 г. в ходе обсуждения вопроса о будущем войска, население именно северных округов УКВ (Гленовского, Бикинского, части Донского), значительная часть территории которых относилась к району II, высказалось за упразднение казачьего сословия³.

В сопоставлении с казачеством, хозяйственная адаптация на юге Дальнего Востока крестьян-раскольников характеризовалась более сложной территориальной дифференциацией. Несмотря на

¹ Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 81-82; Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главного управляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909. С. 79-80; Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 62.

² Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг.: Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 35-36.

³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 232.

свою немногочисленность на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. представители данной конфессиональной группы освоили территории всех трех выделенных нами ландшафтно-климатических районов региона. Первыми из раскольников в 1859 г. в регионе появились молокане и духоборы, сосланные правительством в Амурскую область¹. В дальнейшем переселения крестьян-раскольников по инициативе государства были редкостью. Их последующие миграции на территорию юга Дальнего Востока и особенно внутри этого региона осуществлялись в основном самостоятельно, а порой самовольно и в тайне от властей. По всей видимости, именно так, по собственному почину, около середины 60-х гг. XIX в. раскольники (старообрядцы) начинают переселяться в Южно-Уссурийский край².

Первоначальное заселение крестьянами-раскольниками дальневосточных земель происходило главным образом в пределах района I (Зейско-Бурейская и Приханкайская равнины). Однако уже в 80-е гг. XIX в. под давлением все возрастающего притока новых переселенцев, адептов ортодоксального православия (и, косвенно, местной администрации), они приступают к освоению смежных территорий района II. В 90-е гг. XIX в., под воздействием, как правило, того же фактора, начинаются миграции раскольнического населения в наиболее труднодоступные горные области региона, принадлежащие к району III³. Необходимо отметить, что если в районе II крестьяне-раскольники были одними из первых восточнославянских поселенцев, то в заселении района III им принадлежит безусловный приоритет.

На территории района I раскольники образовывали небольшие по площади населенные анклав. Обычно они состояли из обособленно расположенных сравнительно крупных сел, вокруг которых позднее возникали мелкие, часто односемейные, хутора. Выбор места для поселения, в основном, (особенно до начала 80-х гг. XIX в.) осуществлялся крестьянами-раскольниками свободно, и благоприятность природного окружения, его сельскохозяйственная ценность играли в этом выборе ведущую роль.

Крестьяне-раскольники селились сплоченными общинами, члены которых нередко были связаны одновременно религиозной общностью (принадлежностью к одной секте или старообрядческому толку), единством территориального происхождения (местом выхода) и кровным родством. Это значительно усиливало изолированность таких общин от внешнего мира и затрудняло вмешательство в их жизнь, и в т.ч. хозяйственные дела, государственной администрации, однако мало стесняло собственную деловую инициативу общинников. В отличие от огосударственных казачьих обществ, общины раскольников близко соответствовали типу автономной духовной и экономической ассоциации, основными функциями которой были согласование и реализация об-

¹ Фетисова Л. Е., Ермак Г. Г., Сердюк М. Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.): адаптационный аспект. Владивосток, 2004. С. 27.

² Кобко В. В. Указ. соч. С. 10-11.

³ Кобко В. В. Указ. соч. С. 19-20, 23, 36.

щих и личных (семейных) интересов ее участников¹.

На раннем этапе освоения юга Дальнего Востока в составе раскольнического крестьянства преобладали крупные и сложные семейные коллективы, что объяснялось, прежде всего, необходимостью иметь достаточное число мужчин-работников. При этом, зачастую уже через несколько лет после переселения, по мере адаптации, такие семьи начинали дробиться. В дальнейшем, в связи с перемещением на новые земли, на территории районов II и III, крестьянские семьи вновь разрастались, чтобы затем, через некоторое время, опять разделиться². Таким образом, закономерно эволюционируя в целом в сторону семьи малого типа, семейный уклад раскольников, вместе с тем, гибко реагировал на ситуативные факторы, на специфические территориальные условия хозяйствования.

Столь же восприимчивой к особенностям природной среды мест вселения была и технологическая подсистема хозяйства раскольников. В пределах района I представители этой общности развивали, в первую очередь, те отрасли, которые были наиболее перспективны в данной части региона, т.е. земледелие и животноводство. Ввиду этого, крестьяне-раскольники активнее и шире, чем казаки, усваивали аграрные знания китайских земледельцев, включая не только набор апробированных ими культур, но и, например, способы уборки и обмолота хлебов³. В то же время, уже в 60-е – 70-е гг. XIX в. раскольническое население занималось и всевозможными промыслами (охота, рыболовство, бортничество, сбор дикоросов, лесозаготовка)⁴. Иными словами, с самого начала освоения региона для хозяйств раскольников была характерна сознательно поддерживаемая комплексность, дифференцированная отраслевая структура. Комплексный тип хозяйства, по-видимому, был выработан крестьянами-раскольниками значительно раньше, в процессе обживания ими Европейского Севера, Урала и Сибири. На юге Дальнего Востока это тип хозяйства показал свою устойчивость и эффективность, высокую адаптивность к разнородным природным условиям края.

Возникнув как средство достижения натурального самообеспечения, на рубеже 80 – 90-х гг. XIX в. отраслевая и технологическая комплексность стала базой для ускоренного развития раскольническим крестьянством мелкотоварного сельхозпроизводства, а позднее – для создания его представителями довольно крупных капиталистических хозяйств, ориентированных на получение предпринимательской прибыли⁵. Комплексное сельское хозяйство за счет широты диапазона возможностей своей специализации было способно оперативно приспосабливаться не только к сезонной и территориальной вариативности условий природной

¹ Кобко В.В. Указ. соч. С. 116; Лобанов В.Ф. Сельский мир и конфессия у крестьян-старообрядцев Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнос и культура. Владивосток, 1994. С. 41-43.

² Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (2001) С. 92-94.

³ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (2001) С. 61-63.

⁴ Кобко В.В. Указ. соч. С. 15, 130, 140.

⁵ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (1999) С. 105-106; Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (2001) С. 64-66.

среды, но и к меняющимся запросам рынка.

Многоотраслевая структура хозяйства также позволяла раскольническому крестьянству значительно разностороннее и полнее, чем казаки, использовать ресурсный потенциал района I. Антропогенная нагрузка на различные компоненты естественной среды в местах его проживания распределялась более равномерно и сбалансировано. Как и большинству первопоселенцев, на начальном этапе освоения раскольникам порою было свойственно "хищничество", безоглядная расточительность в природопользовании. Однако у них оно не приобретало такого масштаба, как у казаков, а его последствия смягчались самостоятельно принимаемыми мерами по охране ценных промысловых ресурсов¹. Подобный более рациональный подход к природопользованию обуславливался, по крайней мере, двумя факторами – меньшим бременем натуральных и денежных повинностей² (а иногда и полным их избеганием), с одной стороны, и отсутствием у раскольников казачьего "земельного простора" и сословных льгот, с другой.

С формированием на юге Дальнего Востока товарных отношений, крестьяне-раскольники выходят на сельскохозяйственный рынок не столько как поставщики больших объемов необработанного сырья, сколько как продавцы редких товаров и продукции с высокой степенью переработки. Внимание к качественным параметрам продаваемых продуктов делало товарные хозяйства представителей этой социальной группы особенно прибыльными.

Состояние материально-технической подсистемы хозяйства рассматриваемой конфессиональной общности в значительной мере определялось изначально сравнительно высоким достатком раскольников, прибывавших в регион. Они в среднем намного лучше, чем казаки, были обеспечены и скотом (в т.ч. тягловым), и основными орудьями труда. Кроме того, среди первопоселенцев этой группы было немало обладателей крупных по крестьянским меркам наличных денежных капиталов³. С переходом к товарному хозяйству в 80-е – 90-е гг. XIX в. первенство молокан и старообрядцев в энергетической и технической оснащенности сельского труда только укрепилось. При этом оно не сводилось к чисто количественным показателям. Используя свои зарубежные связи в США, Канаде, Японии и Китае, состоятельные раскольники имели возможность приобретать наиболее современный и высокопроизводительный сельхозинвентарь⁴. Развитая материально-техническая база, интенсифицируя хозяйственную деятельность, вместе с тем, создавала предпосылки для повышения рациональной управляемости взаимодействия сельского товаропроизводителя с природным окружением.

¹ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (2001) С. 65.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 239. Л. 326об.

³ Кобко В.В. Указ. соч. С. 15, 112.

⁴ Кобко В.В. Указ. соч. С. 113; Фетисова Л. Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Этнос и природная среда. Владивосток, 1997. С. 95.

Общее состояние системы сельского хозяйства раскольников способствовало активному восприятию ей новых, товарных и капиталистических, организационных форм хозяйствования. Уже на начальном этапе заселения крестьяне-раскольники широко практиковали земельную аренду и наем рабочей силы. При этом использование данных институтов раскольниками имело не только заместительное, потребительское, но и развивающее значение, позволяя им расширять и совершенствовать свое производство. Той же цели обычно служила и фиксируемая в районе I, по меньшей мере, с 90-х гг. XIX в. покупка ими земельных участков в частную собственность¹. На приобретенных землях молокане и старообрядцы создавали крупные (порой в несколько сотен десятин) товарные земледельческие и животноводческие хозяйства. С конца 80-х гг. XIX в. среди дальневосточных раскольников появляются продавцы больших партий зерна, вошедшие в число поставщиков Приамурского интендантства². Таким образом, к концу изучаемого периода капиталистические отношения успели проникнуть в экономическую деятельность раскольников существенно глубже, чем в казачью, охватив не только сферу обмена, но и заметно обновив ее трудовой, производственный фундамент, а значит, затронув и методы природопользования.

С 80-х гг. XIX в. значительная (в Приморской области – большая) часть раскольников населения района I, вытесняемая казаками и ортодоксально-православным крестьянством, начинает перемещаться на территории района II, прежде всего, в долины рр. Арсеньевки и Партизанской и на север Амуро-Зейской равнины. В результате формируется новый территориальный вариант присущего этой общности способа адаптации. Его специфика нашла отражение в параметрах, в первую очередь, таких подсистем хозяйства местных жителей как демографическая и технологическая. В условиях предгорий района II система расселения крестьян-раскольников получила более сложную, более дисперсную структуру. Среди сельских поселений возросла доля обособленно расположенных мелких населенных пунктов – заимок и хуторов. В технологической сфере этот вариант группового способа адаптации характеризовался перестройкой отраслевой структуры комплексного хозяйства раскольников и соответствующим обновлением ими арсенала методов трудовой деятельности. Если в районе I ведущими направлениями экономической активности раскольников являлись земледелие и животноводство, то в районе II, по крайней мере, не менее важную роль в их жизни стали играть добывающие промыслы³.

Косвенным, но весьма значимым показателем успешной адаптации раскольников к естественной среде района II была та быстрота, с которой они переходили на новом месте от натураль-

¹ Кобко В.В. Указ. соч. С. 113-115.

² Кобко В.В. Указ. соч. С. 112-115; Фетисова Л. Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Указ. соч. С. 48-49.

³ Аргудяева Ю. В. Трансформация хозяйственной деятельности старообрядцев Приморья // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток, 2004. С. 115-117.; Кобко В.В. Указ. соч. С. 110-111.

ного к товарному производству. Уже в первой половине 90-х гг. XIX в. осевшие за несколько лет до этого в долине р. Партизанской старообрядцы стали известными в крае товаропроизводителями. В начале же XX в. основанный ими хутор Сионский представлял собой крупное и многопрофильное капиталистическое предприятие, важнейшей составляющей которого было возникшее на базе промысла высокодоходное оленеводческое хозяйство¹. Безусловно, далеко не все раскольнические хозяйства района II развивались такими же темпами. Однако зажиточная их часть, опираясь на высокую материально-техническую оснащенность, приобретенный ранее и заимствованный технологический опыт, смогла быстро преодолеть издержки первоначального освоения и удаленность от основных рынков, продолжив прерванную переселением социально-экономическую эволюцию.

Начавшиеся в 90-е гг. XIX в. миграции приморских раскольников в расположенную в пределах района III долину верхней Уссури, а затем и другие речные долины Сихотэ-Алиня, привели к формированию третьего территориального варианта группового способа адаптации². Его демографические и технологические черты во многом явились результатом дальнейшего развития особенностей хозяйственной адаптации к условиям района II. Широчайшее распространение в районе III получают малодворные временные поселения типа заимок и хуторов³. Раскольничьи заимки и хутора образовывали на юге и северо-востоке Сихотэ-Алиня разреженные и подвижные сети, обеспечивавшие изучение потенциала местных мозаичных ландшафтов и снижение рисков, связанным со стационарным хозяйствованием в суровой, а иногда экстремальной естественной среде. Наиболее полного проявления в районе III достигли адаптивные возможности и комплексного хозяйства раскольников. Несмотря на то, что в силу объективных факторов, в этой части региона ведущее место в хозяйстве раскольников заняли промыслы, за счет перестройки целого ряда звеньев технологического цикла, они сумели сохранить, а в некоторых случаях и вывести на более высокий уровень производительности также его земледельческую и животноводческую отрасли⁴. Кроме того, рискованный характер хозяйственной деятельности в данном районе заставлял крестьян браться за новые для себя занятия, такие как морской промысел. В связи с этим, следует отметить, что типичной для процесса адаптации в районе III тенденцией было значительное расширение спектра эксплуатируемых естественных ресурсов, что делало хозяйство раскольников более устойчивым, более способным к поддержанию равновесия в трудной борьбе с местной природой.

Построение достаточно прочного экологического и производственного фундамента сельского хозяйства в гористой части юга

¹ Позняк С.В. Из истории приморского старообрядчества: загадка семьи Поносовых // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 267-269.

² К сожалению, мы не располагаем данными о заселении раскольниками территорий района III в границах Амурской области.

³ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (2001) С. 58; Кобко В.В. Указ. соч. С. 58, 116-117, 148.

⁴ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. (2001) С. 64-65; Кобко В.В. Указ. соч. С. 110-111, 117-127.

Дальнего Востока обеспечило основу для весьма быстрого развития здесь организационно- и социально-экономических отношений. С 90-х гг. XIX в. в районе III появляются товарные хозяйства, базирующиеся, как правило, на различных промыслах (оленоводство, пчеловодство и т.д.)¹. Позднее, уже в XX в. в этой малоблагоприятной области региона возникают крупные предпринимательские фермы, широко применявшие наемный труд, современную сельскохозяйственную технику и в большом объеме вывозившие свою продукцию в города Дальнего Востока и зарубеж². По нашему мнению, решающей предпосылкой успешности социально-экономического развития раскольнического крестьянства в жестко лимитированных негативными природными факторами локальных очагах района III, ускоренного вызревания здесь товарных отношений была, отчасти сознательная, аккумуляция множества адаптационных изменений, произошедших в различных подсистемах хозяйства этой группы в ходе освоения ей районов I и II.

Сопоставление параметров основных подсистем сельского хозяйства дальневосточных казаков и крестьян-раскольников обнаруживает ряд отчетливых различий в способах адаптации этих социальных групп. Очевидно, что даже в условиях стремительной смены способов производства, способ адаптации, выработанный раскольниками, обеспечивал более устойчивое и эффективное равновесие в отношениях хозяйствующей системы и природной среды. В отличие от обусловленного в основном надтерриториальными социально-политическими факторами сословного быта казачества, маргинальный образ жизни раскольнического крестьянства чутко реагировал на требования конкретной географической среды и создавал возможность тонкой настройки на ее специфические конфигурацию и цикличность. На демографическом уровне эта настройка производилась путем варьирования плотности и структуры расселения, изменения численности общинных и семейных коллективов, типа и степени жесткости связей между их членами. В технологической сфере она достигалась за счет оперативного переноса отраслевых акцентов в рамках комплексного хозяйства, усвоения и переработки приемов трудовой деятельности местного неславянского населения. На уровне ресурсной подсистемы устойчивой адаптации способствовали дифференцированное распределение хозяйственной нагрузки между возможно более широким спектром компонентов и элементов окружающей среды и меры по сознательному регулированию природопользования.

В хозяйстве же казачества практически все названные параметры либо являлись предметами косного административного управления, либо оказывались в "мертвой", безнадзорной зоне между сферами интересов власти и населения. Подобное соединение гипертрофированной регламентации с безнадзорностью в хозяйственной жизни дальневосточного казачества имело следст-

¹ Кобко В.В. Указ. соч. С. 16, 127, 129.

² Кобко В.В. Указ. соч. С. 112-113, 115; Позняк С.В. Указ. соч. С. 269.

вием серьезное искажение социально-экономического развития этой общности, формирование на землях АКВ и УКВ особого типа простого товарного, а затем капиталистического хозяйства, имеющего слабую производственную базу и развивающегося, прежде всего, за счет использования преимуществ и льгот своего пространственного и сословного положения, благодаря участию в торгово-обменных отношениях со своей общественной средой. Напротив, капиталистическая эволюция хозяйства крестьян-раскольников, охватив в равной мере и производственную и обменную сферы, имела в целом естественный и органический, а значит и более устойчивый характер.

Различия двух рассматриваемых способов адаптации прослеживаются и в территориальном аспекте. Способ адаптации раскольников позволил им достаточно успешно развивать свое хозяйство во всех трех ландшафтно-климатических районах юга Дальнего Востока, тогда как искусственно поддерживаемое относительно материальное благополучие казачества за пределами района I для большинства представителей этой социальной группы оказалось недостижимым.

Выявленные преимущества способа адаптации крестьян-раскольников отнюдь не следует считать аргументом в пользу полной несостоятельности способа адаптации казачества и, тем более, стоящей за ним централизованной модели общественного развития. Такой вывод был бы слишком большим упрощением. Долгосрочное освоение и сохранение за Россией такого региона как Дальний Восток было возможно только в результате соединения, той или иной комбинации централизованной и децентрализованной моделей и обусловленных ими специфических способов адаптации различных социальных групп. Действительной же проблемой, к которой подводит проведенный нами анализ, является проблема демаркации, определения фактических и оптимальных границ реализации данных моделей в общественном и физико-географическом пространстве Дальнего Востока. В рамках ее изучения, в частности, необходимо выяснить, как по заданной рассмотренными нами общностями шкале способов адаптации распределялись иные группы сельского населения края, каким образом разные стратегии сельскохозяйственной адаптации отражались на промышленном, социальном и политическом развитии региона, как протекали их дальнейшие историческая эволюция и взаимодействие. Предлагаемый авторами краткий очерк является лишь методологическим введением в исследование этой сложной междисциплинарной проблемы.

